

— Ничего особенного, просто попросил их побыть в Хэси некоторое время, насладиться местными пейзажами, а когда мы здесь все уладим, отправлю тебя обратно, чтобы вы могли воссоединиться. А, кстати, еще нужно будет сообщить им радостную новость и пригласить на свадебный пир. — Сяо Юй, упомянув о радостной новости, в его натянутой улыбке промелькнула тень смущения, словно отголосок прошлого, но это мгновение быстро исчезло, и перед взором вновь предстал решительный Князь-Генерал.

— ... — Что?! Похищение невесты — это еще не все? Теперь еще и насильно жениться собираешься?!

Ляо Цюли был настолько взбешен, что даже перестал понимать, где находится, и, схватив Сяо Юя за руку, вцепился в нее зубами. Укус был настолько сильным, что зубы буквально впились в плоть. Как же это должно было быть больно!

Сяо Юй, стиснув зубы от боли, с усмешкой произнес:

— Кусай, кусай сильнее, ведь в будущем у тебя уже не будет такой возможности. Муж — это глава семьи, а кусать мужа — это нарушение правил!.. Завтра я сначала отвезу тебя в Хэси, там устроим небольшой пир для твоей семьи, а потом мы отправимся на заставу Хулао, где устроим грандиозное торжество, пригласив всех воинов, охраняющих границу. В конце года вернемся в Императорскую столицу, и я попрошу у Его Величества разрешения, чтобы мы могли устроить пышную свадьбу, чтобы ты не потерял лицо. Но предупреждаю сразу: с этого дня ты принадлежишь мне и при жизни, и после смерти. Никто не сможет забрать тебя от меня! И ты тоже не думай убегать, иначе тебя ждут серьезные последствия!

Сказав это, Сяо Юй схватил Ляо Цюли за подбородок, заставив его разжать зубы, а затем, потянув его к себе, прижал к своему телу, губы снова устремились к нему. Тот, кто только что вкусил запретный плод, всегда жаден, и, хотя он старался быть осторожным, чтобы не травмировать раненого, несколько поцелуев и прикосновений не могли причинить вреда. Да и лучше уж целовать и трогать, чем только смотреть и ничего не делать. Поэтому он позволил себе разгуляться.

Ляо Цюли не хотел ни целоваться, ни позволять себя трогать, но, пытаясь вырваться, он потянул рану, и боль снова окутала его сознание. О силе и речи быть не могло — он уже давно выдохся. Даже если бы он был в полном здравии, он все равно не смог бы противостоять этой грубой силе. После того как Сяо Юй насытился поцелуями и прикосновениями, он крепко обнял Ляо Цюли, словно ребенок, защищающий свою добычу, и несколько раз убедился, что в его объятиях действительно находится Ляо Цюли. Его прекрасные глаза светились в полумраке, и он боялся моргнуть, чтобы тот не исчез. Ляо Цюли какое-то время смотрел ему в глаза, но в конце концов не выдержал и уснул.

Он проспал целые сутки, а когда проснулся, обнаружил, что находится в карете, которая направляется в Хэси. Одна рука приподняла его, и ложка с кашей коснулась его губ. Он еще не полностью очнулся, поэтому лениво открыл рот. Ложка, не дождавшись, когда он начнет есть, оказалась в другом рту, который нагло прижался к его губам, передавая кашу. Теперь он точно проснулся. Прищурив глаза, он одной рукой оттолкнул навязчивые губы, а другой взял кашу и начал есть самостоятельно. Закончив, он передал миску обратно, но тот снова пристал к нему,

все еще жаден, все еще не насытившийся, все еще хотел больше.

Рана Ляо Цюли еще не зажила, поэтому они не могли по-настоящему сблизиться, и им приходилось довольствоваться лишь поверхностными ласками. Он не мог сопротивляться, поэтому терпел его выходки. Страсть разгоралась, и ласки продолжались бесконечно, несколько раз они были на грани настоящего сближения, но в последний момент сдерживались, оба покрытые потом. Добравшись до городка, они остановились на ночлег, снова арендовали целый двор за золото, и Сяо Юй приказал принести большую бочку с горячей водой, закрыл ворота и запер их. Любой, кто осмелится войти без разрешения, будет убит.

— Подойди. — Сяо Юй снял верхнюю одежду, затем нижнюю, оставаясь с голым торсом, и протянул руку Ляо Цюли, приглашая его присоединиться к купанию.

— Сначала ты. — Раньше он бы просто пошутил и не стал бы задумываться. Но теперь, когда между ними все стало так неоднозначно, согласиться означало бы намеренно спровоцировать ситуацию, а он не был глупцом.

— Хватит болтать! Подойди! — Сяо Юй, не дожидаясь, схватил его, раздел и, подняв на руки, занес в бочку с водой.

Ничего особенного не произошло, они просто искупались, и после этого он сказал:

— Завтра мы три дня будем ночевать в поле, так что если не хочешь чесаться и вонять, лучше помойся сейчас!

Ляо Цюли хотел ответить, но подумал, что лучше не продолжать разговор, чтобы не усугубить ситуацию. Он молча позволил ему делать все, что тот хотел, а после купания Сяо Юй тщательно вытер его волосы, начиная с макушки, пока они не стали слегка влажными, и только тогда уложил его в постель.

Этой ночью он вел себя спокойно, просто обнял его и спал, не целуя и не трогая. На следующий день они позавтракали и отправились в путь. Три дня они почти не разговаривали. Только перед самым въездом в Хэси он сказал:

— Скоро приедем.

Семья Ляо, конечно же, уже знала о том, что происходит. В тот день, когда они прибыли, более двадцати членов семьи встали рано утром, вернее, они вообще не спали всю ночь. Как можно было спать, когда родного человека собирались насильно забрать, и никаких переговоров быть не могло? В стране, кроме императора, не было никого, кто бы обладал большей властью, чем этот человек. Противостоять ему было невозможно, бежать тоже трудно. Неужели придется смириться?

Третий брат Ляо из Императорской столицы прислал срочное письмо, предупреждая семью

быть осторожной, чтобы не попасть в ловушку. Но письмо пришло слишком поздно — семья уже оказалась в западне, из которой не было выхода. Ляо Шисян, понимая, насколько серьезной стала ситуация, пытался найти связи, чтобы как-то уладить дело, но тот не оставил ему выбора:

— Отдайте человека, и все будет хорошо!

Более того, судя по всему, он уже добился своего. Иначе зачем бы он говорил о свадебном пире? Если бы это было по обоюдному согласию, то еще куда ни шло, но пятый брат не был согласен, это была односторонняя любовь. Если бы это был не Князь-Генерал, а какой-то другой вельможа, то, возможно, удалось бы найти выход, но он уже много лет назад положил глаз на пятого брата, и теперь, когда он его поймал, он точно не отпустит. Хочешь поговорить с ним по-хорошему? Ты думаешь, что самый высокопоставленный вояка будет слушать твои доводы?

Не знаю, получил ли пятый брат травму. Он мужчина, и это его первый раз, как бы аккуратно ни было, травмы неизбежны.

Каждый в семье переживал по-своему, с тревогой ожидая возвращения пятого брата.

В тот день в полдень карета въехала во двор резиденции генерала в Хэси. Остановившись, из нее вышел сначала красивый мужчина с холодным выражением лица, а затем более низкий и худощавый мужчина. Первый хотел взять второго на руки, но тот уклонился, и это движение вызвало боль, от которой он сморщился.

Семья Ляо стояла у входа, все с нетерпением ждали Ляо Цюли, и, увидев, как он морщится, все сердца содрогнулись — он точно получил травму!

Ляо Цюли, чтобы не беспокоить семью, натянул улыбку и, как обычно, поздоровался:

— Мама, второй брат, сестры, давно не виделись, как вы поживаете?

Никто не мог вымолвить ни слова, женщины заплакали, особенно мать Ляо Цюли, слезы лились ручьем.

Пятый брат, самый младший в семье Ляо, с детства привык прятать свои раны и печали, показывая только хорошее, чтобы успокоить других. Теперь, когда он пережил такое, он все еще вел себя так, словно ничего не произошло. Как можно было не разбиться сердцу?!

Мать Ляо Цюли, плача, подошла и взяла его за руку, хриплым голосом сказала:

— Сынок, пойдем домой!

Пойдем домой, не бойся, ты — плоть от плоти моей, я не могу позволить тебе страдать так. Мы уже решили, что лучше умрем все вместе, чем будем жить под чьей-то угрозой! Семья Ляо

предпочтет умереть с достоинством, чем жить за счет чьей-то милости!

Руки еще не успели соприкоснуться, как их перехватила другая рука. Красивый мужчина с холодным выражением лица правой рукой обнял Ляо Цюли, на глазах у всех совершив «захват». Он не произнес ни слова, но его действия ясно дали понять всем, кто хотел переступить границу — это мое, никто не смеет трогать!

У матери хватило смелости, ради своего ребенка она готова была пойти против самого императора!

Она подошла и схватила руку Ляо Цюли, пытаясь вытащить его:

— Ты смеешь обижать и захватывать плоть от плоти моей? Я готова сражаться с тобой до конца!

<http://bllate.org/book/15507/1377337>